

В. К. СОКОЛОВА

ПЕРВАЯ РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В НАРОДНОМ ПЕСЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ *

Первая русская революция явилась важнейшим этапом в истории народов нашей Родины и оказала огромное влияние на все последующие события. В. И. Ленин называл революцию 1905 г. «генеральной репетицией» Октябрьской революции и указывал, что без нее победа трудящихся в России в Октябре 1917 г. была бы невозможной.

Революция 1905—1907 гг. была первой народной революцией эпохи империализма. Буржуазно-демократическая по своему характеру, она была в то же время и пролетарской, как потому, что возглавил ее пролетариат, так и по формам и методам борьбы. В этом ее своеобразие и мировое значение.

Революция оставила неизгладимый след в сознании народа. Она призвала к сознательному революционному творчеству широчайшие массы, сплотила их, обогатила их политическим опытом, закалила их волю. В ходе революционной борьбы, под воздействием разъяснительной работы, проводившейся большевиками, крепла боевая решимость масс, осознавались конечные цели борьбы, изживались многие предрассудки и иллюзии. Все более и более широкие слои трудящихся начинали понимать, что добиться свободы и лучшей жизни при существующем строе нельзя, что необходимо сплоченными усилиями тружеников города и деревни свергнуть самодержавие, уничтожить помещиков и капиталистов. «За каких-нибудь три года революции (1905—1907 гг.) рабочий класс и крестьянство получают такую богатую школу политического воспитания, какую они не могли бы получить за тридцать лет обычного мирного развития. Несколько лет революции сделали ясным то, чего нельзя было бы сделать ясным в продолжение десятков лет при мирных условиях развития», — говорится в «Кратком курсе» истории партии¹.

О коренных сдвигах, происшедших в сознании рабочих и других слоев трудящихся, убедительно свидетельствует народное поэтическое творчество революционных лет. Боевая песня сопутствовала революции. Она звучала в цехах, на митингах и демонстрациях, во время вооруженных боев с царскими войсками и жандармами, на похоронах жертв революции. Песни передавались из уст в уста по всей стране, печатались в революционных листовках, издававшихся большевиками. Передовые рабочие высоко ценили их, так как видели в них выражение своих заветных дум и стремлений.

Песни 1905—1907 гг. неоднократно издавались и служили предметом научного исследования². Настоящая статья не ставит перед собой иссле-

* Доклад, прочитанный на заседании Ученого совета Института этнографии АН СССР, посвященном 50-летию первой русской революции 1905—1907 гг.

¹ «История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс», Госполитиздат, 1952, стр. 89.

² Не перечисляя всех сборников, содержащих песни 1905—1907 гг. и посвященные им статьи, укажем лишь наиболее значительные из последних работ: П. Г. Ширяева, Историческая тема в песенном рабочем творчестве 1905—1907 гг. сб. «Славянский фольклор», Труды Ин-та этнографии АН СССР, т. XIII, М., 1951; В. И. Чичеров,

довательских задач, ее цель, — опираясь на имеющиеся работы, сделать некоторые обобщения и выводы, показать значение песен первой русской революции и их место в истории русского народного поэтического творчества.

Значение народного поэтического творчества революционных лет определяется не только тем, что это правдивый, волнующий документ одной из самых славных страниц истории нашего народа, но и тем, что оно явилось новым, самым высшим этапом в развитии дооктябрьского русского поэтического творчества. Революционная рабочая песня стала с этого времени его органической и притом важнейшей, ведущей частью, определившей дальнейшие судьбы народной песни.

Очень важно и знаменательно было то, что песни, выражавшие пролетарское мирозерцание, пролетарское понимание задач и целей революционной борьбы, распространялись не только среди рабочих, но и среди других слоев трудящихся города и деревни, становились всенародными. Сила их воздействия на массы определялась тем, что они с большой художественной выразительностью отражали мысли и чувства самих масс, отвечали на волновавшие их вопросы. Нередко песни ясно и четко формулировали то, что еще неясно бродило в сознании трудящихся, помогали разобраться в происходившем, понять истинный смысл событий.

В годы революции вышли из подполья и со всей силой зазвучали, стали массовыми народными песнями революционные гимны — «Интернационал», «Марсельеза» — и песни, созданные революционерами-профессионалами: «Варшавянка» и «Беснуйтесь, тираны» Г. М. Кржижановского, «Смело, товарищи, в ногу» Л. П. Радина, «Похоронный марш» и др. Эти песни сыграли немалую роль в формировании пролетарского революционного сознания. Они несли в массы идеи классовой борьбы, звали на «последний решительный бой», «на бой кровавый, святой и правый» с самодержавием и капитализмом. Популярность этих песен была очень велика, и не случайно в ряде песен о событиях 1905—1907 гг. упоминается «Марсельеза» как гимн восставшего народа:

И красное знамя взвилось над землей,
Звучат «Марсельезы» напевы....

О впечатлении, производимом открыто зазвучавшими революционными песнями, и отношении к ним рабочих вдохновенно рассказал А. М. Горький, описывая в романе «Мать» первомайскую демонстрацию сормовских рабочих: «И народ бежал навстречу красному знамени, он что-то кричал, сливался с толпой и шел с нею обратно, и крики его гасли в звуках песни, — той песни, которую дома пели тише других, — на улице она текла ровно, прямо, со страшной силой. В ней звучало железное мужество, и, призывая людей в далекую дорогу к будущему, она честно говорила о тягестях пути. В ее большом спокойном пламени плавился темный шлак пережитого, тяжелый ком привычных чувств и сгорала в пепел проклятая боязнь нового...

....— Вставай, подымайся, рабочий народ!

Казалось, в воздухе поет огромная медная труба, поет и будит людей, вызывая в одной груди готовность к бою, в другой неясную радость, предчувствие чего-то нового, жгучее любопытство, там — возбуждая смутный трепет надежд, здесь — открывая выход едкому потоку веками накопленной злобы» И старый рабочий Сизов, сняв шапку, восторженно говорил Ниловне: «— Открыто пошли, мать, а? Песню придумали. Какая песня, мать, а?»

Песни и стихи пролетариата в период массового рабочего движения. «Русское народно-поэтическое творчество», Труды Ин-та этнографии АН СССР, т. XX, М., 1953. Песням 1905 г. уделено значительное место и в недавно вышедшем труде М. С. Друскина «Русская революционная песня», М., Музгиз, 1954.

В ходе революции самими рабочими создавались все новые и новые песни. Они запечатали важнейшие моменты революции и связанный с нею рост политического сознания трудящихся. Не все эти песни вылились в совершенную поэтическую форму, многие были художественно слабы, они не получали, как правило, широкого распространения и скоро забывались. Но все они являются правдивым документом, вышедшим из среды самих рабочих и правдиво отразившим их мысли и переживания.

Песенное творчество периода первой русской революции непосредственно связано с предшествующими ему народными песнями о русско-японской войне. Эти песни коренным образом отличаются от старых солдатских песен и показывают, что в сознании одетых в серые шинели крестьян и рабочих уже происходили большие сдвиги. Старые военные песни говорили преимущественно о героических подвигах и победах, классовые противоречия в них не раскрывались. Не ставился вопрос о том, в чьих интересах ведется война, всякая война осмыслялась как патриотическая борьба за родину. Все это характерно для народного сознания до периода массового рабочего движения. Песни о русско-японской войне также говорят о преданности Родине, о самоотверженности и героизме русских солдат и матросов. До сих пор поются и любимы нашим народом песни, воспевающие бессмертный подвиг команды крейсера «Варяг» («Наверх вы, товарищи, все по местам» и «Плещут холодные волны»). Но солдаты начинают задавать вопрос: во имя чего ведется война, стоящая народу больших жертв и лишений, ради кого они страдают:

Знать бы только, что за дело,
Знать, что правая война....

Все чаще и отчетливее высказывается мысль, что война нужна царю, помещикам, фабрикантам, а не Родине и народу:

Мы с японкой желтолицей
Подрались за царя....

Коли барство все забрало,
Так японец ни при чем....

В песнях появляется образ жертвы войны: кочегар, умирающий во время тяжелого перехода русской эскадры через Красное море; калека-солдат, истомленный, возвращающийся домой «от павших твердынь Порт-Артура, с кровавых маньчжурских полей».

Очень широко распространены были во время русско-японской войны сатирические песни и куплеты. Война обнажила перед широкими массами гнилость царского режима, показала его слабость. С горькой и едкой иронией говорил народ о бездарных и продажных «вояках», наживавших на войне миллионы и не позаботившихся даже о том, чтобы снабдить армию оружием и боеприпасами. Объектами народной сатиры являлись Куропаткин, повезший на фронт вместо оружия иконы и растерявший их, «удирая от японки», генерал Алексеев, распродавший вырубленный на Ялу лес; Стессель, сдавший Порт-Артур; великий князь Кирилл и другие. Песни связывали все эти факты в одно целое, показывали, что это не случайные явления, а закономерное следствие господствующего в России порядка. Назревал революционный взрыв. Падение Порт-Артура, по словам Ленина, явилось началом падения русского самодержавия.

Мысль о связи русско-японской войны с дальнейшими революционными событиями хорошо выражена в стихотворении Т. Л. Щепкиной-Куперник, быстро ставшем любимейшей песней рабочих. Песня звала к восстанию, говорила о готовящейся мести народа.

Узнав, что вся его семья стала жертвой полицейского произвола,

Ни слова солдат не промолвил,
Лишь к небу он поднял глаза,
Была в них великая клятва
И будущей мести гроза.

Характерные особенности песен о русско-японской войне, отличающие их от прежних военных песен, — анализ событий с классовой пролетарской точки зрения, осмысление отдельных частных фактов как проявления общих закономерностей существующего строя, развитие острой политической сатиры, новая форма, связанная с классической поэзией и романсом, литературные реминисценции в сатирических песнях, быстрый переход отдельных наиболее удачных стихотворений поэтов в массовые песни. Все это — новые явления в русском народном творчестве, роднящие песни о русско-японской войне с революционными песнями 1905—1907 гг.

Началом революции явилось 9 января 1905 г., и первым народно-поэтическим откликом на революцию были песни, связанные с событиями «кровавого воскресения». Они показывают, что рабочие сделали правильные выводы из этих событий, что жестокий урок, полученный ими от царя, не прошел даром, заставил многое понять. Не с просьбами и молитвами, а с проклятиями обращаются теперь рабочие к царю, говорят о скором падении самодержавия:

Ты нас расстреливал — не жди-ж и ты пощады,
Достанем мы тебя, как ты себя не прячь,
Падут твои сатрапы-казнокрады,
А с ними ты — безжалостный палач.

Такие настроения — лейт-мотив, итог всех песен о 9 января. Особенно распространена была песня «Мы мирно стояли пред Зимним дворцом». Созданная непосредственно вслед за событием, она выразила гнев и возмущение народа расстрелом мирной демонстрации и призывала к революционной борьбе с самодержавием, к отмщению за пролитую кровь:

Пред пышным дворцом мы появимся вновь,
День близок кровавой расплаты
За кровь трудовую, невинную кровь,
Что брызнула в эти палаты.

Песня звучала повсюду, она записана от рабочих Ленинграда, Тулы, Сормова, Урала и в других местах. Есть варианты ее, записанные в деревне. В ходе развития революции песня изменялась, и эти изменения показывают, как росло сознание пролетариата и изживались сохранявшиеся до 9 января иллюзии. Песня была создана как стихотворение. В нем очень подробно рассказывалось о надеждах, какие питали рабочие, идя к царю; большая роль отводилась Гапону, образ которого идеализировался, — именно Гапон, подняв на руки труп заслонившей его от пули девушки, якобы грозил стрельвшим в рабочих войскам. Превратив стихотворение в песню, рабочие сильно сократили его, выбросили все, что не отвечало их возросшему сознанию. Песня стала более лаконичной, четкой и идейно весомой. О Гапоне в подавляющем большинстве вариантов совсем не упоминается, проклиная убийц один из идущих рабочих или же, еще чаще, все рабочие, причем проклятия и угрозы посылаются уже не солдатам, а действительным убийцам — царю и его приближенным. В песню вставлялись и новые куплеты, раскрывавшие смысл январских событий, показывавшие, что эти события явились началом народной революции:

И красное знамя взвилось над землей,
Звучат «Мерсельезы» напевы,
Студент бросил книги, рабочий — верстак,
А пахарь оставил посевы.

По свидетельству П. Г. Ширяевой, сообщивший этот вариант тульский рабочий Селиванов говорил, что рабочие при пении особенно выделяли эти слова песни. Так подчеркивался размах и всенародный характер революции.

Несколько песен посвящено памяти жертв 9 января: «Погибшие братья, вам вечный покой», «На десятой версте от столицы» (автор П. К. Эдист) и другие. Освещена в рабочем поэтическом творчестве и обстановка, создавшаяся после 9 января. В песнях говорится о массовых стачках, охвативших всю страну, о митингах и демонстрациях, о столкновениях восставших рабочих с царскими войсками и полицией; «Вот Петербург забастовался», «Сошлись говорить мы о праве своем», «В город Николаев на французский завод три тысячи рабочих собрались на сход» и многие другие. О декабрьском вооруженном восстании в Москве сложены были песни: «Притаилась тревожно столица», «Шумел, горел пожар на Пресне», «Как у наших у ворот». Отмечены в песнях и восстания в армии и флоте. Особенно популярными стали песни о восстаниях матросов Черноморского и Балтийского флотов. Таковы песни о восстании на «Потемкине» («По бурным волнам Черноморья») и «Очакове» («Очаков — борец за свободу»), о казни лейтенанта Шмидта и восставших матросов («Свершился день ужасной казни») и др. О зверской расправе с восставшими моряками Кронштадта созданы были песни: «Грохочет Балтийское море», «Кронштадт, Кронштадт многострадальный», «Море в ярости стонало» (автор Ривкин), «Трупы блуждают в морской глубине».

Можно определенно утверждать, что в народном поэтическом творчестве запечатлен весь ход революции, все ее основные этапы. Здесь перечислено лишь несколько песен, получивших особенно широкое распространение, посвященных важнейшим событиям. Они не были единственными. В ходе революционных боев восставшие создавали множество песен, в которых рассказывали о событиях на своем заводе, в своем городе, в отдельной воинской части³. Но характерной чертой этих песен является то, что они во всех конкретных событиях, больших и малых, всегда подмечают общее, типичное, улавливают тенденцию развития. Поэтому песни, сложенные на одном заводе, подхватывались рабочими других заводов и нередко воспринимались ими как песни о событиях на их заводе. Так, например, приурочивалась к разным местам и событиям песня «Сошлись говорить мы о праве своем». В комментариях П. Г. Ширяевой к варианту, записанному от сормовского рабочего В. Я. Курышева, активного участника революции⁴, утверждается, что эта песня была создана в Сормове и продекламирована впервые на митинге 9 июля 1905 г., отметившем полгода со дня январских событий. Тот же текст, напечатанный в недавно вышедшем сборнике В. П. Бирюкова, комментируется как созданный рабочими Мотовилихи и посвященный погибшему во время демонстрации старому рабочему-революционеру Борчанинову⁵. Песня очень удачно, в ярких художественных образах показывает обстановку того периода и выражает настроения рабочих. Факты, описанные в ней, были типичны, они повторялись почти во всех городах, на всех

³ Подробнее об отражении событий революции 1905—1907 гг. в рабочих песнях см. в указанной работе П. Г. Ширяевой.

⁴ П. Г. Ширяева, Указ. раб., стр. 145.

⁵ «Урал в его живом слове. Дореволюционный фольклор». Собрал и составил В. П. Бирюков. Свердловск, 1953, стр. 272. Этот комментарий составлен на основании материалов сборника Пермского бюро Истпарта, где эта песня также связывается с Мотовилихинской демонстрацией и убийством Борчанинова-отца.

заводах и фабриках, и рабочие, естественно, вспоминали о них, когда пели эту песню. То же произошло и с песней «На десятой версте от столицы», которую златоустовские рабочие, изменив только первую строчку («На заросшем бурьяном кладбище»), связали с событием, предшествовавшим революции, — с «златоустовской бойней» 26 марта 1903 г. Подобные факты, а их немало, служат подтверждением того, что рабочие революционные песни действительно отражали типическое, самую суть событий.

Песни не просто фиксировали события, но всегда раскрывали их смысл, связывали их с общим состоянием страны и ходом революции. Из описываемых фактов делались выводы, намечалась программа дальнейших действий. Большинство песен 1905—1907 гг. оканчивается призывом к продолжению, к усилению борьбы. По мере развертывания революции эти призывы уточнялись, конкретизировались. Вначале это были общие призывы к борьбе за свободу и счастье народа, формы и методы борьбы еще не раскрывались. В дальнейшем рабочим все яснее становилось, что необходимо свергнуть самодержавие и уничтожить существующий строй, что добиться этого можно только вооруженной борьбой. И в песнях появляются призывы к вооруженному восстанию. К этой мысли приходят рабочие, столкнувшиеся с казацкой нагайкой:

А ружей у нас, братья, нет под рукой.
Покончили бы с дикой ордой.

Но близок уж час, и мы отомстим,
Оружье себе мы достанем.
Погибнет злодей, все опричники с ним,—
Свободны, счастливы мы станем.

Более ясными, определенными рисуются и цели восстания. Результатом революции должен явиться новый, социалистический строй, новый справедливый порядок, при котором хозяевами жизни будут сами трудящиеся. Песни призывали:

Свергнуть иго царское	Жить и процветать,
И дать России жить.	Труд свой одинаково
Жить ей жизнью новою,	Всем распределять.

С верой в свои силы и правоту революции рабочие заявляли, что скоро

Настанет час великий,	Забудем мы тогда,
И рухнет царский строй.	Пойдем вперед мы дружно
Нагайки свист позорный	Под знаменем труда.

Революция в народных песнях оценивается как святое и правое дело, как борьба за права и счастье народа. Появляется новое понятие Родины, отчизны как отчизны трудящихся, эксплуататорские же классы рассматриваются как враги родины и народа. О восставших рабочих и матросах, о погибших в схватке с самодержавием песни говорят как о лучших, самых преданных сынах Родины, отдавших за нее жизнь, самоотверженно боровшихся с ее врагами-эксплуататорами;

Погиб он за правое дело,
За правду святую и честь,
Снесите же, волны, народу,
Отчизне последнюю весть,—

говорится о расстрелянном молодом матросе «Очакова». Так же оценивался и подвиг восставших кронштадтцев:

Твой муж был убит за Отчизну,
В добычу достался волнам.

Песни показывают исключительный размах революции, силу и сплоченность восставших, их непреклонную решимость к борьбе. Как неприступная стена как грозна лавина, поднялись рабочие Пресни:

Поднялись неприступной стеною
И пошли на борьбу, как поток,
И звучит, и гремит над толпою:
«Ненавидим нам царский чертог».

Как священная и грозная клятва, звучали многочисленные песни, посвященные светлой памяти жертв революции. Их основной пафос — товарищи пали в борьбе, но революция не убита, она все больше разрастается, оставшиеся в живых должны продолжить и довести до конца дело павших:

Над вашей могилой мы клятву даем,
Святой вашей кровью клянемся,
Что будем бороться с убийцей-царем,
Свободы и счастья добьемся.

Глубокое и правильное, не доступное раньше народу понимание смысла исторических событий, новое идейное содержание, отличающее рабочие песни 1905—1907 гг., потребовали и новых образов. В этих песнях нет образа героя в старом понимании — героя, выделяющегося из массы и совершающего выдающиеся подвиги. Герой новой рабочей песни — весь рабочий коллектив, сама масса восставших — «мы». Это постоянно подчеркивается в песнях, которые и поются от имени всех рабочих, всех восставших: Мы мирно стояли пред Зимним дворцом... Сошлись говорить мы о праве своем... Нам вашей могилой мы клятву даем... Меж тем как за народ, за бедную Отчизну мы гибли там с проклятьем на устах...

Основные черты, характеризующие образ рабочего коллектива, — революционная решимость, готовность идти до конца по избранному пути, не взирая на трудности и опасности, тесная сплоченность, ясное понимание целей борьбы, вера в конечную победу трудящихся.

О погибших в борьбе обычно также говорится во множественном числе, как о представителях все того же революционного коллектива, о лучших сынах народа: «вы», «братья». И когда по ходу действия в песне выделяются одно или несколько лиц, они никогда не ставятся над массой. Герой песни неразрывно связан с трудящимися, думает и действует так, как думают и действуют все восставшие; его поведение служит примером для других. Показательно, что революционные песни часто даже не называют героя по имени, а говорят о рабочем, старике, матросе, характеризуя их как представителей целой группы, коллектива («Рабочий один шел, молчанье храня», «Отважный матрос молодой», «Калека-солдат истомленный», «Студент в поношенной тужурке» и т. п.).

Новые для народной песни образы революционного коллектива и отдельных революционеров, кровно связанных с массой, говорят о новом понимании роли народных масс и личности в истории.

Песни раскрывают массовый, всенародный характер революции. Большинство песен говорило о рабочих, пелось от имени рабочих, выражало сознание революционного пролетариата, утверждало пролетарские формы и методы борьбы. Это полностью соответствовало действительности, отражало руководящую роль пролетариата. И если многие из этих песен распространялись повсюду в городе и деревне, становились общенародными, то это свидетельствовало, что рабочий класс стал подлинным гегемоном революции, вел за собою массы.

Песни отмечали участие в революции и других слоев трудящихся. Как уже говорилось, в них очень широко и ярко показаны восстания во флоте, которые осмысливаются как часть общей революционной борьбы. Восстание на «Потемкине» поддерживают рабочие и трудящиеся Одессы:

От сна пробудилась Одесса,
Проснулся рабочий народ.

Песни и частушки, создававшиеся в деревне, говорили о росте революционных настроений крестьянства, об его участии в революции:

Ветер носится по полюшку
Да поет про волюшку,
Не пора ли нам восстать
Да свободу добывать.

Всей деревней мы пройдем,
«Марсельезу» пропоем,
Всю мы ноченьку петь будем,
Богачей ею разбудим.

Ай, туки, туки, туки,
Взбунтовались мужики,
Леса рубят, гумны жгут,
Все свободы себе ждут.

В деревне во время революции распевали песню: «Отпустили крестьян на свободу, только землю не дали народу»⁶.

Нередко песни упоминают об участии в революции демократической интеллигенции, особенно студенчества. «Студент бросил книгу», когда началась революция. На улицах Кронштадта, среди трупов расстрелянных матросов, лежит и «студент в поношенной тужурке».

Правильно показав размах и всенародный характер революции, песни столь же правдиво показали и разную степень участия в революции различных слоев трудящихся, разную степень их сознательности и революционной решимости. О рабочих в песнях всегда говорится как о монолитном, сплоченном коллективе, понимающем цель борьбы и готовом бороться до конца. В крестьянских же песнях и частушках не видно такой высокой сознательности, революция в них иногда выступает как стихийный мужицкий бунт, подобный прежним крестьянским восстаниям:

Подожгли мы сеновал
И стоим любуемся.
Как лист, барин задрожал,
Староста осунулся.

Восставшие мужики «леса рубят, гумны жгут, все свободы себе ждут». Последнее очень характерно для психологии крестьян, ждавших свободы сверху. Рабочие же уже ясно осознали, что свободу не ждут, а завоевывают ее, и призывали народ «с бою взять свободу». «Добьемся мы кровью свободы», — пелось в рабочих песнях.

Восстания во флоте и армии показаны в песнях как дело наиболее сознательной части солдат и матросов, которые расстреливались своими же братьями, остававшимися еще верными самодержавию:

⁶ О распространенности этой песни в деревне свидетельствуют и материалы экспедиции Ин-та этнографии АН СССР, собранные в 1954 г. в с. Вирятине Кирсановского района Тамбовской области.

Братья братьев привязали
Крепко накрепко к столбам,
Братья братьев расстреляли,
Ужас вейл по волнам.

Так изображается в народной песне казнь революционных моряков Кронштадта:

Замучен за дело святое	Не в чуждой далекой стране,
Был этот отважный матрос.	Убит он своим же собратом,
Не в грозном бою с супостатом,	Убит на родном корабле.

Свои же матросы расстреляли восставший за народ и свободу крейсер «Очаков»:

Уж в кубрике раненых много,
И стон раздается кругом.
Снаряды летят с «Ростислава»,
«Очакова» борт решчат.

Такие картины верно отражали действительное положение. Большая часть армии не поддержала революции и помогла правительству подавить ее. В этом одна из причин поражения первой русской революции. Поэтому очень важную роль играли широко распространявшиеся в то время агитационные песни, разъясняющие матросам и солдатам, что они стреляют в своих же братьев-трудящихся, борющихся за их же счастье, за счастье их семей. Такова, например, известная «Памятка солдата»: •

Стреляй, солдат,	Бей прикладом,
Кли штыком,	Но, убивая, не забудь,
Кусай зубами,	Что убиваешь родного брата.

О переживаниях солдат, избивавших по приказу начальства мирных демонстрантов, говорила распространенная солдатская песня:

Как четвертого числа	Эх, солдатская ты доля!
Нас нелегкая несла	Кабы наша была воля,
Смуту умирять...	Разве бы пошли?
Безоружных колотили,	Не зорно-ль для солдата
Как снопы мы молотили,	Колотить не супостата,
Словно на току.	А честной народ?
Полилася кровь ручьями,	
Заливались слезами	Эх, «отцы» вы, командиры,
Многие тогда.	Опоганили мундиры,
	Чистые досель.

Подобные песни играли большую роль в пробуждении сознания армии, в освобождении солдат от «верноподданнических» чувств и иллюзий, содействовали распространению в армии и флоте революционных идей и настроений.

Помимо песен, отразивших боевой героический путь революции, и песен агитационных, в период революции исключительное развитие получила острая политическая сатира. Народные сатирические песенки метко и зло клеймили царских прислужников, палачей народа, разъясняли массам смысл отдельных мероприятий правительства, пытавшегося обмануть народ. Когда испуганный ростом революции царь сделал вид, что идет на уступки, и издал манифест 17 октября, народ тотчас же откликнулся на это сатирической песенкой, показавшей, что он хорошо понял смысл царского манифеста:

Царь испугался, издал манифест:
Мертвым — свободу, живых — под арест.

Мы знаем цену манифеста,
Пока у власть царь — глава —

заявлял народ. Едкой насмешке подверглась созванная по царскому манифесту Государственная дума. Песни ясно давали понять, чьи интересы будет защищать Дума:

Эх, ты, дума, думушка,
Октябристам — кумушка,
Октябристам кумушка,

Правым всем голубушка.
С барами хорошими
Хлопает ладошами...

Деятельность виттевской думы и смысл «конституции» разъясняла песня «Ой, полна тюрьма пред Думою»:

Тюрьмы строим мы немалые,
В них сажаем без числа,
Знать, итоги небывалые
Конституция дала.

Революционные рабочие восприняли и на практике проводили выдвинутый большевиками лозунг о бойкоте первой Государственной думы, они старались раскрыть трудящимся смысл затеи правительства. Дума высмеивалась и в крестьянских частушках:

Дума в Питере сидит,
Важно заседает,
Про мужицкие дела
Ничего не знает.

С ненавистью и сарказмом говорили рабочие о палачах революции. Особенно часто упоминался в сатирических песенках палач Трепов:

Вздумал наш Трепов царя удивить,
Пулей, нагайкой народ усмирить.
Послал он казаков по всем городам —
Бейте, рубите, награду вам дам...

Главным же объектом народной революционной сатиры был последний «всероссийский император» Николай II. Образ его — резко отрицательный. Самые распространенные, прочно прикрепившиеся к нему после 9 января прозвища: «царь-убийца», «кровопийца», «Николай кровавый». Народ клеймил царя и другими подобными же эпитетами: безумный царь, вампир злой, царь жестокий, — и проклинал весь «гнусный царский род».

Очень широко, по всей России распространялись варианты таких песенок:

• На Руси много болванов,
Во главе стоит Романов.

Вся Россия голодует,
Николай вином торгует...

Особой же обличительной силой отличалась песня «Всероссийский император», дававшая обобщенный образ русского самодержавия и раскрывавшая его классовую сущность:

Всероссийский император,
Царь жандармов и шпииков,
Царь-убийца, провокатор,
Содержатель кабаков.
Всех народов угнетатель,

Покровитель для дворян,
Царь-убийца для рабочих,
Царь-убийца для крестьян.
Побежденный на востоке,
Победитель — на Руси....

Песня была исключительно популярна. Она записана не только от рабочих, но и от крестьян⁷. Это показывает, что не только рабочие, но и наиболее сознательные крестьяне под влиянием революционных событий и разъяснительной работы большевиков утрачивали веру в царя-батюшку и начинали понимать сущность самодержавия. Образ Николая II в сатирических песнях 1905—1907 гг. — это уже не образ «плохого» царя, которого надо заменить «хорошим» (такой образ встречался раньше в крестьянских песнях), а символ всего самодержавного строя, который необходимо свергнуть:

Чучело в короне,
Надо свергнуть с трона...

Но час пробьет народного отмщенья,
И полетит трон деспота во прах.

Оценка событий в большинстве революционных песен, выражаемые в них призывы показывают, какие огромные сдвиги в сознании пролетариата и всех трудящихся произошли за годы первой революции. Песни показывают, что идеи марксизма, идеи социалистической революции благодаря большой работе, проводимой партией, стали достоянием основной массы рабочих. Содержание, идейный смысл, образы, художественная форма и язык революционных песен коренным образом отличают их не только от традиционных крестьянских песен, но и от рабочего поэтического творчества более ранних этапов. В старых рабочих песнях не было и не могло быть такого ясного классового самосознания. Рабочие протестовали против каторжных условий труда на данном заводе, против отдельного фабриканта, управляющего, приказчика, но не против капиталистической системы, не против самодержавия. Формально песни рабочих были во многом еще связаны с традиционной деревенской песней, а частично — с мещанским романсом. Новое социал-демократическое сознание, развившееся у рабочих под воздействием революционеров-профессионалов, большевиков-ленинцев, обусловило новые качества революционной рабочей песни.

Основным источником ее формирования служили, как уже говорилось, песни революционного подполья. Способствуя складыванию революционного сознания, они оказали сильное воздействие и на песни, создававшиеся рабочими в период революции, отличавшиеся таким же боевым духом, ясным сознанием цели, верой в победу над самодержавием. Рабочие песни во многом использовали ритмику и лексику революционных песен, повторяли их призывы, развивали их образность. Отсюда популярный образ реющего красного знамени — символа революции, образы старого мира, который надо разрушить, цепей, которые надо порвать, образ нового мира — мира труда и свободы.

Рабские цепи мы дерзко сорвем,—
Месть кровопийцам народа!
Лучшую долю в борьбе мы возьмем,
Счастье для всех и свободу.

К свободе зовет наше красное знамя,
Зовет для последней борьбы.

Отчетливо ощущается в песнях 1905—1907 гг. преемственность с поэзией предшествующих этапов русского революционно-освободительного

⁷ См. например, ее вариант в статье М. Н. Орлова «Революционные песни в Юрьев-Польской деревне (Ивановская обл.)», журн. «Советское краеведение», 1935, № 9.

движения. Так, например, в разных вариантах пели песню А. А. Бестужева и К. Ф. Рылеева «Царь наш немец прусский», песни народовольцев, революционные студенческие песни. В новой обстановке эти песни получали новое звучание. Они не только подновлялись применительно к текущим событиям (имена и факты, уже забытые, заменялись современными, злободневными), но изменялось, обогащалось и их идейное содержание. Расплывчатые общие формулировки и лозунги старых песен заменялись четкими пролетарскими призывами, сатира становилась более едкой и разящей, была не по частностям, а по основам самодержавного строя.

Показательна история «Нагаечки», ставшей в период 1905—1907 гг. одной из самых любимых песен⁸. «Нагаечка» возникла в демократической студенческой среде как отклик на разгон студенческой демонстрации в Петербурге 8 февраля 1899 г. Об этом напоминал припев:

Нагаечка, нагаечка, нагаечка моя,
Вспомни, как гуляла ты восьмого февраля.

Отталкиваясь от образа стоящих над Невой двух сфинксов, песня использовала для обличения самодержавно-полицейского порядка образы древнеегипетской истории и мифологии. Рабочие, связав песню с событиями первой русской революции, в сущности сохранили от нее только припев, который звучал теперь как напоминание о Девятом января: «Вспомни-ка, нагаечка, девято января». Из песни выбросили чуждые и непонятные широкому массам мифологические образы, внесли в нее современное конкретное содержание, она зазвучала как обличение палачей народа и революции, как обличение всей системы произвола и насилия.

Вздумал наш Трепов царя удивить,
Шашкой, нагайкой народ усмирить....

На зверскую расправу народ ответил усилением революционной борьбы:

Народ поднялся на такой произвол:
В прах мы повергнем царский престол.

Самый образ «Нагаечки» осмыслился революционными рабочими как символ самодержавной формы правления:

Нагайка, нагайка,
Тобой лишь одной
Романовская шайка
Сильна в стране родной.

Заканчивалась же песня нередко призывом:

Россия, Россия, голодный народ,
Всех стран пролетарии, идите вперед!

Так же переработана была рабочими студенческая песня «Уж как в третьем отделении»; в новом варианте она говорила уже об обысках не у студентов, а в рабочих кварталах, где жандармы по приказу Трепова искали социалиста.

Создавая свои песни, восставшие массы опирались и на классическую русскую поэзию. Ряд песен о событиях 1905—1907 гг. использует ритм, а частично образность и выражения популярных стихотворений русских поэтов, ставших народными песнями. Так, образцом для песни «По бурным волнам Черноморья» (о броненосце «Потемкин») послужил «Воздушный корабль» М. Ю. Лермонтова; для песни «Ой, полна тюрьма пред

⁸ См. об этом в указанной работе В. И. Чичерова.

думую» — «Коробушка» Н. А. Некрасова; «Вздумал наш Трепов царя удивить» — «Ухарь-купец» И. С. Никитина; «Как у наших ворот» (о разгроме декабрьского вооруженного восстания в Москве) — «У приказных ворот» А. К. Толстого; «Как четвертого числа нас нелегкая несла смуту усмирять» — «Севастопольская песня» Л. Н. Толстого и др.

Очень важно отметить связи песен 1905—1907 гг. с революционной поэзией международного пролетариата (эти связи должны стать предметом специального исследования). Революционные песни и гимны рабочих разных стран попадали в Россию и усваивались русскими рабочими, оказывая влияние и на их собственное творчество. Иногда эти песни получали в России новый, отличный от первоначального текст (например, русская «Марсельеза»). Русские редакции в ряде случаев усиливали революционное звучание песен. Так было, например, с «Варшавянкой», текст которой был не переведен, а по существу заново создан Г. М. Кржижановским⁹. Изменилась и мелодия песен, подчиняясь русским песенным мелодическим интонациям. В новой русской редакции эти песни усваивались рабочими других стран, распространялись и на своей родине (например, «Варшавянка»).

Так, опираясь на русскую и международную революционную поэзию, творчески усваивая опыт классической русской поэзии и песни в России, создавалась новая рабочая революционная песня. Дальнейшее свое развитие она получила после Великой Октябрьской революции.

⁹ Сопоставление польского и русского текстов «Варшавянки» сделано В. И. Чичеровым в указанной статье.